

УДК 338.24

В. И. ЯРОШЕВИЧ

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МАКРОКОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАН С МАЛОЙ ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКОЙ

В статье рассматриваются ключевые политэкономические аспекты макроконкурентоспособности стран с малой открытой экономикой. Политэкономический подход к данной проблеме предполагает как определение причин относительного благополучия отдельных стран в сравнительном мирохозяйственном контексте, так и анализ внутреннего распределения этого благополучия. В частности, это предполагает не просто сравнение средних социально-экономических показателей между странами, но и анализ внутренней устойчивости этих показателей. Такого рода устойчивость помимо сугубо экономических факторов определяется равномерностью и справедливостью распределения национального богатства и доходов, постоянным совершенствованием технической инфраструктуры при одновременном высоком внимании к экологии, развитостью и доступностью социальной сферы, открытостью и вовлеченностью политической системы, сильной национальной идентичностью и культурой. Именно оптимальное сочетание всех этих факторов, а не только отдельные конкурентные (сравнительные) преимущества в производстве конкретных товаров и услуг определяют макроконкурентоспособность стран с малой открытой экономикой, к которым относится и Республика Беларусь.

V. I. YARASHEVICH

POLITICAL ECONOMY ASPECTS OF MACROCOMPETITIVENESS OF SMALL OPEN ECONOMIES

The article examines key political economy aspects of macrocompetitiveness for small open economies. A political economy approach in this regard implies identifying the wealth factors for selected economies in a comparative economic framework, as well as a breakdown of internal wealth distribution. Notably, this means that average social and economic indicators are not simply compared across different countries, but analyzed from the viewpoint of their internal sustainability. The latter, in turn, is determined by a variety of factors besides purely economic ones. They include both equality and equity of national wealth and income distribution, constant upgrade of technical infrastructure with a simultaneously high concern about environment, development and accessibility of social sphere, openness and inclusiveness of political system, strong national identity and culture. It is an optimal mix of all these factors, not merely specific competitive (comparative) advantages in production of certain goods or services, which determines macrocompetitiveness of small open economies, including that of the Republic of Belarus.

ЯРОШЕВИЧ
Вячеслав Иванович,

кандидат экономических наук, доцент
заведующий кафедрой финансов
Международного университета
«МИТСО»

Введение

Усиливающаяся неравномерность экономического развития в мире определяет актуальность проблемы макроконкурентоспособности, несмотря на определенные противоречия в ее интерпретации. Для стран с малой открытой экономикой, в особенности тех, которые находятся в процессе трансформации политэкономических систем и одновременно вовлечены в региональные интеграционные проекты, это вопрос не просто экономический, а экзистенциальный. Опыт бывшей Югославии, Грузии, Молдовы, а теперь и Украины (которая хотя пока и не является малой экономикой, но имеет все шансы ею стать при сохранении текущих политико-экономических тенденций) показывает, что экономические проблемы могут довольно быстро перерасти в политические. Так было с Югославией, где относительно благополучные северные республики (Словения и Хорватия) уже с начала 1980-х выражали свое нежелание дотировать менее благополучные южные районы (особенно Косово, а так-

же Боснию, Герцеговину, Македонию, Черногорию и даже Сербию) [1, р. 270–272].

Основная часть

Политэкономический подход к проблеме макроконкурентоспособности предполагает как определение причин относительного благополучия отдельных стран в сравнительном мирохозяйственном контексте, так и анализ внутреннего распределения этого благополучия. Иными словами, оценка макроконкурентоспособности предполагает не просто сравнение средних социально-экономических показателей между странами, но и анализ внутренней устойчивости этих показателей. Такого рода устойчивость, в свою очередь, помимо сугубо экономических факторов определяется равномерностью и справедливостью распределения национального богатства и доходов, постоянным совершенствованием технической инфраструктуры при одновременном высоком внимании к экологии, развитостью и доступностью социальной сфе-

ры, открытостью и вовлеченностью политической системы, сильной национальной культурой и идентичностью. Именно оптимальное сочетание всех этих факторов, а не только отдельные конкурентные (сравнительные) преимущества в производстве конкретных товаров и услуг определяют макроконкурентоспособность в ее современном понимании.

Например, если сравнивать большинство малых европейских стран со схожими по уровню ВВП на душу населения странами из других регионов, в том числе арабского, можно заметить, что более высокий уровень макроконкурентоспособности первых определяется не только многоплановостью их экономики, в особенности наличием высокотехнологических промышленных отраслей, но и относительно низким уровнем неравенства по коэффициенту Джини, высокоразвитой телекоммуникационной и транспортной инфраструктурой, энергетикой, водоснабжением, здравоохранением, образованием, системой социальной защиты и, что особенно важно, развитыми политическими институтами. Очевидно и то, что макроконкурентоспособность малых европейских стран не в последнюю очередь обусловлена особенностями исторического развития, географии, культуры, тогда как высокий («средний») уровень развития большинства других малых стран определяется главным образом наличием природных ресурсов, в особенности углеводородных. При этом серьезные изменения в мировой конъюнктуре цен на сырье, имеющие место в последние годы, способны существенным образом изменить траекторию экономического развития всех тех стран, которые следовали положениям теории сравнительных преимуществ и не рассматривали макроконкурентоспособность как наиболее серьезный политико-экономический вызов глобализации.

Яркий пример – Швейцария, практически бессменный лидер в ведущих рейтингах конкурентоспособности, составляемых ее же исследователями, но в любом случае уникальное европейское государство, которое откровенно сложно назвать малым по размеру экономики (700 млрд долл. США в 2014 г.). Несмотря на то что почти 70 % территории этой страны занимают горы, она обладает высокоразвитой транспортной инфраструктурой, обеспечивающей транзит для всей Европы: ежедневно через швейцарские Альпы проезжают около трех тысяч 40-тонных автопоездов и столько же поездов проходит через железнодорожный вокзал Цюриха, который является самым крупным по пропускной способности в мире. Чтобы обеспечить все это, в стране было своевременно построено 67 горных тоннелей, в том числе самый длинный в мире – 57-километровый Готардский, строительство которого было завершено в 2010 г. и стоило свыше 10 млрд долл. США [2]. При этом постоянное совершенствование транспортной и иной технической инфраструктуры в Швейцарии не наносит существенного ущерба окружающей среде. Однако международная конкурентоспособность Швейцарии определяется не только ее инфраструктурой. Это и современная промышленность (машиностроительная, пищевая, фармацевтическая, часовая, ювелирная), и специализированные финансовые услуги (особенно банковские и страховые), и высокоразвитый туристический сектор, и, что также немаловажно,

высокий международный авторитет страны, который подтверждается представительством большого числа различных международных организаций, в том числе ООН. Все это было бы вряд ли возможно без соответствующего обеспечения местными трудовыми ресурсами, качество которых определяется их здоровьем и квалификацией, а следовательно, и развитием систем здравоохранения, образования и социального обеспечения. Например, по швейцарской программе общего среднего образования *Matur* изучаются три языка, и она нацелена на то, чтобы школьник владел двумя из четырех государственных языков (итальянский, немецкий, ретороманский и французский), а также английским, что говорит о важных конкурентных преимуществах швейцарцев, по крайней мере в Европе и особенно в сфере услуг [3]. При этом Швейцария, впервые провозгласив независимость еще в 1291 году, имеет уникальное политическое устройство – конфедерацию, состоящую из 20 кантонов и 6 полукантонов, и как ни одно другое государство часто практикует референдумы как форму прямого волеизъявления населения по наиболее злободневным вопросам.

Конечно, малые страны из числа бывших социалистических сложно сравнить со Швейцарией. Тем не менее во многом благодаря социализму, несмотря на его известные недостатки, в начале 1990-х гг. большинство из них получило заведомо более выгодные места в международном разделении труда по сравнению со схожими по удельному уровню ВВП развивающимися странами, в особенности из числа бывших колоний. Изначальный акцент социализма на электрификацию, индустриализацию, крупно-товарное сельхозпроизводство, ликвидацию безграмотности, развитие социальной сферы даже при весьма ограниченных внутренних ресурсах и практически полном отсутствии внешней поддержки не просто трансформировал средний уровень жизни в регионе, но и заложил внутренние механизмы его устойчивости. Неслучайно треть бывших соцстран смогла довольно быстро войти в состав Европейского союза, а некоторые даже получили статус развитых по весьма жестким критериям Международного валютного фонда (Чехия, Словакия и Словения) [4, р. 20]. Неслучайно и то, что СССР считался супердержавой именно в биполярном миропорядке и второй по размеру экономикой в 1990 г. (по разным оценкам – от 2 до 2,6 млрд долл., США – свыше 5 млрд долл.), невзирая на весьма ограниченное присутствие в мировой экономической системе (товарных, финансовых, технологических и т. д.) [5, р. 319; 6].

Схожим образом по индексу человеческого развития, который отражает уровень развития человеческого потенциала как определяющего фактора макроконкурентоспособности в условиях глобализации, малые бывшие соцстраны неизменно отличаются более высокими показателями, чем большинство малых стран из числа развивающихся. В частности, среди них, как и среди всех бывших соцстран из Восточной Европы и Центральной Азии, нет ни одного государства с низким показателем ИЧР и только пять стран (четыре из которых расположены в Центральной Азии) имеют средний показатель ИЧР (ниже 70 %). Треть от общего количества бывших соцстран имеют очень высокий показатель ИЧР (выше 80 %)

и еще четыре (Беларусь, Казахстан, Россия и Румыния) находятся в десятых долях процента от него. В то же время для подавляющего большинства малых развивающихся стран характерны именно средние показатели ИЧР, а для каждого третьего – и вовсе низкие (ниже 55,5 %). При этом отставание бывших соцстран с малой экономикой от

развитых стран с малой (или условно малой) экономикой в целом значительно менее выраженное, чем малых развивающихся стран с низким уровнем ИЧР от большинства малых стран из региона Восточной Европы и Центральной Азии (табл. 1).

Таблица 1 – Индекс человеческого развития отдельных стран мира, 1990–2014

Страна	1990	2000	2010	2014
<i>Постсоциалистические страны из Восточной Европы и Центральной Азии</i>				
Азербайджан	–	0,640	0,741	0,751
Албания	0,624	0,656	0,722	0,733
Армения	0,632	0,648	0,721	0,733
Беларусь	–	0,683	0,786	0,798
Болгария	0,695	0,713	0,773	0,782
Босния и Герцеговина	–	–	0,710	0,733
Венгрия	0,703	0,769	0,821	0,828
Грузия	–	0,672	0,735	0,754
Казахстан	0,690	0,679	0,766	0,788
Киргизская Республика	0,615	0,593	0,634	0,655
Латвия	0,692	0,727	0,811	0,819
Литва	0,730	0,754	0,827	0,839
Македония	–	–	0,738	0,747
Молдова	0,652	0,597	0,672	0,693
Польша	0,713	0,786	0,829	0,843
Россия	0,729	0,717	0,783	0,798
Румыния	0,703	0,706	0,784	0,793
Сербия	0,714	0,710	0,757	0,771
Словакия	0,738	0,763	0,827	0,844
Словения	0,766	0,824	0,876	0,880
Таджикистан	0,616	0,535	0,608	0,624
Туркменистан	–	–	0,666	0,688
Узбекистан	–	0,594	0,655	0,675
Украина	0,705	0,668	0,732	0,747
Хорватия	0,670	0,749	0,807	0,818
Черногория	–	–	0,792	0,802
Чехия	0,761	0,821	0,863	0,870
Эстония	0,726	0,780	0,838	0,861
<i>Развитые страны с малой экономикой (без постсоциалистических Восточной Европы)</i>				
Австрия	0,794	0,836	0,879	0,885
Греция	0,759	0,799	0,866	0,865
Дания	0,799	0,862	0,908	0,923
Ирландия	0,770	0,861	0,908	0,916
Исландия	0,802	0,859	0,892	0,899
Люксембург	0,779	0,851	0,886	0,892
Мальта	0,729	0,766	0,824	0,839
Норвегия	0,849	0,917	0,940	0,944
Португалия	0,710	0,782	0,819	0,830
Финляндия	0,783	0,857	0,878	0,883
<i>Развивающиеся страны с малой экономикой</i>				
Гана	0,456	0,485	0,554	0,579
Гватемала	0,483	0,552	0,611	0,627
Иордания	0,623	0,705	0,743	0,748
Камерун	0,443	0,437	0,486	0,512
Лаос	0,397	0,462	0,539	0,575
Мавритания	0,373	0,442	0,488	0,506
Непал	0,384	0,451	0,531	0,548
Парагвай	0,579	0,623	0,668	0,679
Руанда	0,244	0,333	0,453	0,483
Уганда	0,308	0,393	0,473	0,483

Источник: [7].

Примечание: выделены страны с высоким и очень высоким индексом человеческого развития по состоянию на 2014 г.

Несмотря на то что по уровню доходов большинство бывших соцстран по-прежнему отстают от западных стран, в том, что касается развития образования, здравоохранения, социального обеспечения, в особенности пенсионного, а также спорта, культуры и других составляющих социальной сферы, их уровень не просто сопоставим, но иногда и превышает уровень последних, не

говоря уже о большинстве развивающихся стран. Это же касается и распределения доходов – у бывших соцстран, в том числе с малой открытой экономикой, оно в целом более равномерное, чем у большинства развивающихся стран, и сопоставимо, скорее, с развитыми странами, в особенности малыми европейскими (рис. 1).

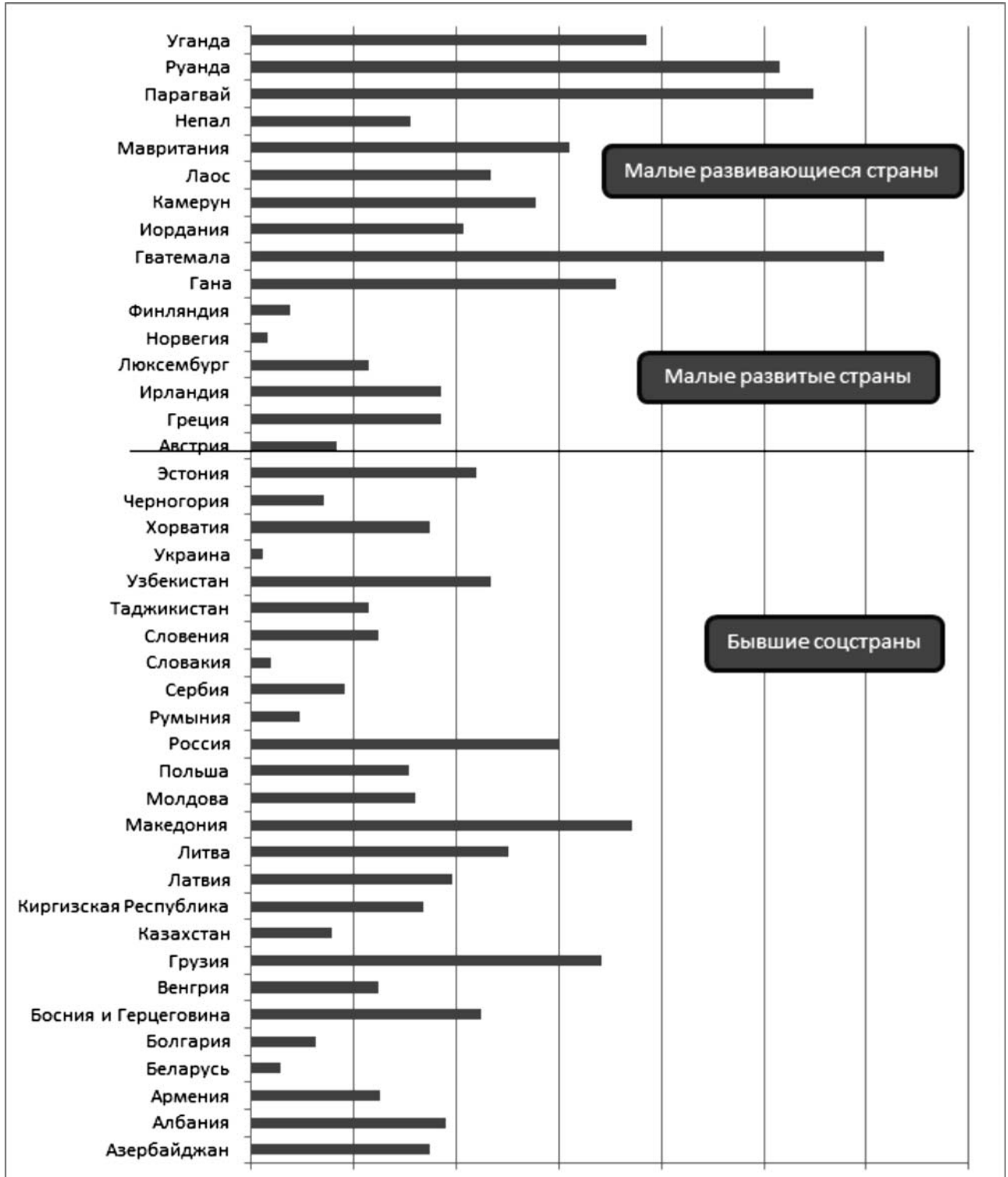

Рисунок 1 – Уровень неравенства в отдельных странах мира по коэффициенту Джини
Источник: [8]

Если вникнуть в причины отставания бывших соцстран от развитых по уровню доходов, то следует отметить, что оно не в последнюю очередь было предопределено системными изменениями, которые начались в Восточной Европе в начале 1990-х гг. в преддверии и вслед за распадом СССР. Лишь немногим в регионе удалось избежать разрушительного макроэкономического воздействия радикальной либерализации цен и внешней торговли в виде гиперинфляции, уничтожившей сбережения целых поколений [9]. При этом практически во всех этих странах (Беларусь – одно из немногих исключений) роль государства была девальвирована вследствие политизированной приватизации, нарушившей представления о социальной справедливости, лишившей государство рычагов управления экономическими процессами и фискальных возможностей поддержки уязвимых слоев населения [10; 11, р. 284; 12, р. 115; 13, р. 49, 253]. Как следствие, несмотря на существенные накопленные преимущества в социальной сфере, экономически бывшие соцстраны оказались неподготовленными к конкурентной борьбе ни с более развитыми западными, ни с более динамичными новыми игроками мирохозяйственной системы. Причины этого кроются не только в отсутствии необходимого исторического опыта, неразвитости институциональной среды или просто неблагоприятном стечении обстоятельств, но и в стремительной деиндустриализации [14], социальном расслоении и пауперизации населения [15].

Все это могло быть обусловлено и попытками, как правило, малоуспешными, реализации на практике неолиберальных теоретических установок, в принципе отрицающих концепцию макроконкурентоспособности. При этом следует отметить, что, сформировавшись на заре промышленной революции, по большому счету они пока оправдались только в отношении довольно узкого круга стран, главным образом из числа членов Организации экономического сотрудничества и развития. Большинство же стран мира, несмотря на длительное участие в международной торговле, функционирующей по либеральным принципам и формальным правилам ГАТТ/ВТО, так и не преодолело колоссальный социально-экономический разрыв с лидерами мировой экономики. Основной причиной этого может быть то обстоятельство, что концептуальные основы современного экономического миропорядка были заложены вскоре по окончании Второй мировой войны, когда большинство до сих пор развивающихся стран еще были колониями. Все это неизбежно наводит на мысль о том, что неолиберальные принципы в основе современной международной торговли и разделения труда благоприятствуют лишь тем странам, которые уже провели индустриализацию, создали предпосылки для собственного развития технологий и, как следствие, вышли на подлинно инновационный путь развития.

Конечно, можно привести примеры стран, которые сумели индустриализироваться (Республика Корея) либо достигли значительного экономического успеха и без индустриализации (Кувейт) будучи в рамках международной капиталистической системы (члены ГАТТ/ВТО с 1967-го и 1963 г. соответственно). Но гораздо больше

стран, в том числе малых, и в особенности африканских и латиноамериканских, которые так и не смогли индустриализоваться и стать «развитыми» несмотря на относительно «раннее» членство как в ГАТТ/ВТО (см. табл. 2), так и в других международных экономических организациях. Наиболее яркий пример – Индия, вторая по численности населения страна в мире и член ГАТТ с первого года его основания, но тем не менее до сих пор существенно отстающая по ключевым социально-экономическим параметрам не только от своей бывшей метрополии и других западных стран, но и от партнеров по так называемой группе БРИКС – Бразилии, России, Китая и ЮАР.

Как в отношении Индии, так и касательно большинства других стран мира, в особенности малых, фундаментальной причиной длительного отставания от лидеров мировой экономики может быть неразвитость собственного промышленного потенциала. Об этом можно судить по оценкам, в том числе таких ведущих изданий либерального толка, как британский «Экономист»: «...знаменосцами Индии после либерализации [1991 г.] стали не производители различного рода устройств, а компании с низкой капиталоемкостью из сферы информационных технологий, такие как *Tata Consultancy Services*, *Infosys* и *Wipro*, не обремененные индийскими фабричными законами или проблемой перегруженности морских портов. Их умственные рабочие места тем не менее не могут обеспечить весь тот миллион молодых, в основном некавалифицированных, людей, которые пополняют трудовые ресурсы страны каждый месяц. Что действительно могло бы помочь, так это большее число фабрик. Но Индия позволила иссякнуть промышленному потенциалу, тогда как Китай именно его развитием и занимался» [17, р. 50].

Заключение

С экономической точки зрения именно промышленность является материальной основой макроконкурентоспособности. В то время как в мировом масштабе толчком к развитию промышленного потенциала стала промышленная революция, на национальном уровне речь, как правило, идет об индустриализации. С одной стороны, она влечет переселение из сельской местности в города, где неизбежно развивается техническая инфраструктура, необходимая для компактного и безопасного проживания больших людских масс. С другой – промышленность нуждается в квалифицированных, здоровых и свободных трудовых ресурсах, что влечет за собой развитие образования, здравоохранения и социального обеспечения. Все это в свою очередь приводит к усложнению общественных взаимоотношений, формированию множества институтов, регламентирующих различные сферы общественной жизни, снижающих возможности узурпации власти и создающих таким образом условия для раскрытия творческого потенциала самых широких слоев населения. Иными словами, именно индустриализация запускает цивилизационный механизм, современным этапом которого является инновационное развитие, а характерным проявлением – высокий уровень макроконкурентоспособности.

Благодаря довольно рано (в общемировом разрезе) проведенной индустриализации и грамотной экономической политике в период трансформации, Республика

Беларусь отличается от большинства стран с малой открытой экономикой в первую очередь значительным промышленным потенциалом. Так, по удельному весу промышленного производства в валовом внутреннем продукте наша страна заняла 10-е место в мире в 2015 г., в том числе 4-е – по доле обрабатывающей промышленности, с соответствующими показателями в 40,1 и 25,9 % [18]. С одной стороны, это позволяет самостоятельно удовлетворять свои потребности в инфраструктуре и большинстве необходимых товаров, обеспечивая таким образом экономическое содержание национального суверенитета в условиях углубляющейся глобализации на

фоне сохраняющейся мировой финансово-экономической нестабильности. С другой – сохранение собственного промышленного потенциала требует постоянной технологической модернизации, повышения квалификации трудовых ресурсов и качественных изменений в управлении всеми видами социально-экономических процессов. В отличие от большинства бывших соцстран Беларусь выбрала путь последовательных и взвешенных реформ и именно это позволяет надеяться на то, что их результатом будет достижение устойчиво высокого уровня макроконтурентоспособности.

Таблица 2 – Членство в ГАТТ/ВТО по периодам

№ п/п	Страна	Год присоединения	Уровень развития (МВФ)	№ п/п	Страна	Год присоединения	Уровень развития (МВФ)
1	Австралия	1948	Развит.	52	Габон	1963	Развив.
2	Бельгия	1948	Развит.	53	Ямайка	1963	Развив.
3	Бразилия	1948	Развив.	54	Кувейт	1963	Развив.
4	Канада	1948	Развит.	55	Мадагаскар	1963	Развив.
5	Куба	1948	Постсоц.	56	Мавритания	1963	Развив.
6	Франция	1948	Развит.	57	Нигер	1963	Развив.
7	Индия	1948	Развив.	58	Сенегал	1963	Развив.
8	Люксембург	1948	Развит.	59	Испания	1963	Развит.
9	Мьянма	1948	Развив.	60	Македония	1963	Развив.
10	Нидерланды	1948	Развит.	61	Кения	1964	Развив.
11	Новая Зеландия	1948	Развит.	62	Малави	1964	Развив.
12	Норвегия	1948	Развит.	63	Мальта	1964	Развит.
13	Пакистан	1948	Развив.	64	Того	1964	Развив.
14	Южноафриканская Республика	1948	Развив.	65	Бурунди	1965	Развив.
15	Шри-Ланка	1948	Развив.	66	Гамбия	1965	Развив.
16	Великобритания	1948	Развит.	67	Гайана	1966	Развив.
17	США	1948	Развит.	68	Руанда	1966	Развив.
18	Зимбабве	1948	Развив.	69	Швейцария	1966	Развит.
19	Чили	1949	Развив.	70	Аргентина	1967	Развив.
20	Дания	1950	Развит.	71	Барбадос	1967	Развив.
21	Доминиканская Республика	1950	Развив.	72	Ирландия	1967	Развит.
22	Финляндия	1950	Развит.	73	Республика Корея	1967	Развит.
23	Греция	1950	Развит.	74	Польша	1967	Постсоц.
24	Гаити	1950	Развив.	75	Исландия	1968	Развит.
25	Индонезия	1950	Развив.	76	Египет	1970	Развив.
26	Италия	1950	Развит.	77	Маврикий	1970	Развив.
27	Никарагуа	1950	Развив.	78	Румыния	1971	Постсоц.
28	Швеция	1950	Развит.	79	Бангладеш	1972	Развив.
29	Австрия	1951	Развит.	80	Венгрия	1973	Постсоц.
30	ФРГ	1951	Развит.	81	Сингапур	1973	Развит.
31	Перу	1951	Развив.	82	Суринам	1978	Развив.
32	Турция	1951	Развив.	83	Филиппины	1979	Развив.
33	Уругвай	1953	Развив.	84	Колумбия	1981	Развив.
34	Япония	1955	Развит.	85	Таиланд	1982	Развив.
35	Гана	1957	Развив.	86	Замбия	1982	Развив.
36	Малайзия	1957	Развив.	87	Белиз	1983	Развив.
37	Нигерия	1960	Развив.	88	Мальдивские Острова	1983	Развив.
38	Сьерра-Леоне	1961	Развив.	89	Мексика	1986	Развив.
39	Танзания	1961	Развив.	90	Антигуа и Барбуда	1987	Развив.
40	Израиль	1962	Развит.	91	Ботсвана	1987	Развив.
41	Португалия	1962	Развит.	92	Марокко	1987	Развив.
42	Тринидад и Тобаго	1962	Развив.	93	Лесото	1988	Развив.
43	Уганда	1962	Развив.	94	Боливия	1990	Развив.
44	Бенин	1963	Развив.	95	Коста-Рика	1990	Развив.
45	Буркина-Фасо	1963	Развив.	96	Тунис	1990	Развив.
46	Камерун	1963	Развив.	97	Венесуэла	1990	Развив.
47	Центральноафриканская Республика	1963	Развив.	98	Сальвадор	1991	Развив.
48	Чад	1963	Развив.	99	Гватемала	1991	Развив.
49	Конго	1963	Развив.	100	Мозамбик	1992	Развив.
50	Кот-де-Вар	1963	Развив.	101	Намибия	1992	Развив.
51	Кипр	1963	Развит.	102	Бахрейн	1993	Развив.
				103	Бруней	1993	Развив.
				104	Чехия	1993	Постсоц.
				105	Доминика	1993	Развив.

106	Фиджи	1993	Развив.	133	Албания	2000	Постсоц.
107	Мали	1993	Развив.	134	Хорватия	2000	Постсоц.
108	Сент-Люсия	1993	Развив.	135	Грузия	2000	Постсоц.
109	Сент-Винсент и Гренадины	1993	Развив.	136	Иордания	2000	Развив.
110	Словакия	1993	Постсоц.	137	Оман	2000	Развив.
111	Свазиленд	1993	Развив.	138	КНР	2001	Постсоц.
112	Ангола	1994	Развив.	139	Литва	2001	Постсоц.
113	Джибути	1994	Развив.	140	Молдова	2001	Постсоц.
114	Гренада	1994	Развив.	141	Тайвань (Китайский Тайпэй)	2002	Развив.
115	Гвинея	1994	Развив.	142	Армения	2003	Постсоц.
116	Гвинея-Биссау	1994	Развив.	143	Камбоджа	2004	Развив.
117	Гондурас	1994	Развив.	144	Непал	2004	Развив.
118	Лихтенштейн	1994	Развит.	145	Объединенные Араб- ские Эмираты	2004	Развив.
119	Папуа Новая Гвинея	1994	Развив.	146	Саудовская Аравия	2005	Развив.
120	Парагвай	1994	Развив.	147	Тонга	2007	Развив.
121	Катар	1994	Развив.	148	Вьетнам	2007	Постсоц.
122	Сент-Китс и Невис	1994	Развив.	149	Кабо-Верде	2008	Развив.
123	Словения	1994	Постсоц.	150	Украина	2008	Постсоц.
124	Соломоновы Острова	1994	Развив.	151	Черногория	2012	Постсоц.
125	Болгария	1996	Постсоц.	152	Российская Федерация	2012	Постсоц.
126	Эквадор	1996	Развив.	153	Самоа	2012	Развив.
127	Демократическая Республика Конго	1997	Развив.	154	Вануату	2012	Развив.
128	Монголия	1997	Постсоц.	155	Лаос	2013	Развив.
129	Панама	1997	Развив.	156	Таджикистан	2013	Постсоц.
130	Киргизская Республика	1998	Постсоц.	157	Казахстан	2015	Постсоц.
131	Эстония	1999	Постсоц.	158	Сейшельские Острова	2015	Развив.
132	Латвия	1999	Постсоц.				

Источник: [16].

Примечание – Гонконг и Макао являются специальными административными районами КНР, соответственно выделение их в качестве отдельных членов ВТО не представляется корректным.

Список использованных источников

1. Yarashevich, V. Economic reasons for the break-up of Yugoslavia / V. Yarashevich, Y. Karneyeva // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2013. – Vol. 46, № 2. – P. 263–273.
2. Foulkes, I. Swiss create world's longest tunnel [Electronic resource] / I. Foulkes. – 15 Oct. 2010. – BBC News. – Mode of access: <http://www.bbc.com/news/world-europe-11548845>. – Date of access: 08.03.16.
3. Стандарт школьного образования Швейцарии [Электронный ресурс]. – Medelle [swiss consulting group]. – Режим доступа: http://www.education-medelle.com/education/secondary_education/standards/swiss_program/. – Дата доступа: 25.03.16.
4. Nielsen, L. Classifications of countries based on their level of development: how it is done and how it could be done / Lyng Nielsen. – Working Paper 11/31. – Washington, D.C. : International Monetary Fund, 2011.
5. Maddison, A. Measuring the performance of a communist command economy: An assessment of the CIA estimates for the USSR / A. Maddison // *Review of Income and Wealth*. – 1998. – Vol. 44, № 3. – P. 307–323.
6. IMF. A study of the Soviet economy / International Monetary Fund, The World Bank, Organization for Economic Co-operation and Development, European Bank for Reconstruction and Development. – Vol. 1–3. – Washington, D.C. : International Monetary Fund, 1991.
7. UNDP. Table 2: Trends in Human Development Index, 1990–2014 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://hdr.undp.org/en/composite/trends>. – Date of access: 21.03.16.
8. UNDP. Income Gini coefficient [Electronic resource]. – Mode of access: <http://hdr.undp.org/en/content/income-gini-coefficient>. – Date of access: 22.03.16.
9. Denizer, C. The savings collapse during the transition in Eastern Europe / C. Denizer, H. C. Wolf. – Washington, D.C. : World Bank, 1999.
10. Martin, B. The social and employment consequences of privatization in transition economies: evidence and guidelines / B. Martin. – Working Paper IPPRED-4 (ILO Interdepartmental Action Programme on Privatization, Restructuring and Economic Democracy). – Geneva: International Labour Office, 1997.
11. Van Brabant, J. Privatizing Eastern Europe: the role of markets and ownership in the transition / J. van Brabant. – London: Kluwer Academic Publishers, 1992.
12. Kolodko, G. From shock to therapy: the political economy of postsocialist transformation / G. Kolodko. – Oxford: Oxford University Press, 2000.
13. Roland, G. Transition and economics: politics, markets, and firms / G. Roland. – Cambridge, MA : The MIT Press, 2000.
14. Mueller, B. Rise and decline of industry in Central and Eastern Europe / B. Mueller, M. Finka, G. Lintz (eds.). – Heidelberg : Springer, 2005.
15. Milanovic, B. Income, inequality, and poverty during the transition from planned to market economy / B. Milanovic // *World Bank Regional and Sectoral Studies*. – Washington, D.C. : World Bank, 1998.
16. WTO. Understanding the WTO: The organization – members and observers [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm. – Date of access: 29.02.16.
17. Schumpeter. Stuck on the runway: Indian manufacturing peaked in the mid-1990s. Can its decline be reversed? // *The Economist*. – 2015. – 8th Aug.
18. World Bank. Industry, value added (% of GDP) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS?view=chart>. – Date of access: 12.10.16.

12.10.2016